

ИСТОРИЯ эта началась двести пятьдесят лет назад, когда католический священник падре Хуан Коледон отправился к гористым берегам Перу, чтобы отыскать легендарные изумрудные копи и заодно обратить в святую католическую веру диких аборигенов тех мест — индейцев чикальво. Отчаянный священник погиб от индейской стрелы, вырезанной из древесины пальмы чонта. В складках его сутаны нашли короткое послание и мешочек с сияющими изумрудами, которые индейцы называли «зеленым льдом». В те времена, как и теперь, фунт изумрудов стоил двенадцать миллионов долларов, а в мешочке Коледона их было около полфунта...

Потомки считали погибшего священника человеком правдивым, и оставленные им сведения искушали многих, отваживавшихся пуститься по его следам. «Солдаты судьбы», как называли бандитов и авантюристов, в поте лица царапали перуанскую землю и погибали в поисках сказочных богатств, не дававших в руки.

«...По причине исключительных трудностей и опасностей, — пишет Коледон в своих записках, — приостановите раскопки здесь...». Но что это были за трудности и опасности? Где именно нужно было приостановить раскопки? На это он ответа не дал.

Закончилась вторая мировая война. Вернулись на свои базы корабли американского военно-морского флота. В Сан-Диего, крупнейшую базу флота на Тихом океане, с Кораллового моря пришел военный транспорт «Либерти», и с его борта на берег сошли три демобилизованных моряка, три друга — Роберт Балеинтайн, Джек Паулис и Сэнди Клеменс.

В первый же вечер, проведенный на берегу в полутемном баре, приятели решили вложить свои сбережения в золотой прииск в мексиканских горах Сьерра Мадре.

За два года тяжелых лишений они все же накопили золотого песка и зерен не сто пять тысяч долларов. Этого показалось мало.

Три моряка отправились в Панаму, где на протяжении двух сезонов занимались ловлей жемчужных раковин. Они не нашли там много жемчуга и вскоре переехали в Канаду, где в густых лесах Калгари занялись поисками урана.

Прошло шесть лет, и к весне 1951 года сумма их общих накоплений достигла двухсот пятидесяти тысяч долларов. И им везло — они оставались физически здоровыми и крепкими людьми. Теперь, собираясь перебраться в Сиэтль, они мечтали посвятить себя чему-нибудь более приятному и уж во всяком случае не такому опасному, как бесконечные скитания по диким лесам и горам. Все это они обсуждали однажды ночью на аэродроме Кабо Флатери, в ожидании самолета, который должен был доставить их в Сиэтль.

— Теперь те, у кого есть деньги, строят дома. Что ты думаешь об этом? — спросил Балеинтайн у Клеменса.

— Хорошо, — сказал тот, поглаживая бороду и медленно цедя слова. — Я все же не вижу причин оставлять путь, по которому мы шли до сих пор.

— Это верно! — с энтузиазмом воскликнул Паулис. — Не вспомнить ли о сокровищах Коледона в Перу?

— Перуанское правительство отрезает тебе уши, если ты захочешь украсть у него изумруды, — ответил Балеинтайн.

Разговор об изумрудах в этой компании поднимался не в первый раз. В прошлую зиму Паулис поддерживал знакомство с одним колумбийским рудокопом, который брался провести их тайно к месту, где находились копи Коледона. Конечно, он это соглашался сделать за определенную плату — четвертую часть того, что удастся добыть.

в нее, сняв слой лиан и кустарника, закрывавший вход. В шахте изумрудов не было, но сама находка шахты погибшего здесь священника вызвала удививший даже их самих энтузиазм. Балеинтайн был взволнован тем, что с друзьями находится в этом потерянном мавзолее, в котором на протяжении двухсот пятидесяти лет не ступала нога человека.

— Если мы найдем изумруды, — заявил Балеинтайн, — я закажу бронзовую доску, на которой вырежут наши имена и... Арика засмеялся:

— Примите это спокойно, друзья. Я обнаружил изумруды, которые показывал вам в Боготе, не в этой шахте. То место в дни Коледона было обнесено забором. Его надо еще разыскать.

— В ад его с этой проклятой историей! — закричал Паулис, бросая свет своего фонаря на ядовитых пауков размером чуть ли не с кулак человека, которыми изобилывала старинная шахта. — Давайте выйдем отсюда, пока не обрушилась одна из этих прогнивших балок.

Они вышли из шахты и вернулись к раскопкам. Хотя Паулис и Клеменс презрительно отнеслись к шахте Коледона и называли ее презренной дырой, но на Балеинтайна она произвела странное очарование. Туннель проникал на восемьсот метров в склон горы и затем на такое же расстояние спускался вниз. Если принять во внимание примитивность инструментов, используемых Коледоном, то результаты его работы казались загадкой.

Три американца и колумбиец жили в полевой палатке в двадцать квадратных футов; там стояли их походные кровати. Рабочие-индейцы имели свои палатки, расположенные несколько ниже. Взрывчатку хранили в хижине, построенной на первой террасе горы, далеко отстоявшей от места главных раскопок. Там всегда дежурили два человека и еще трое несли охрану на окружающих площадку вершинах.

Прошло две недели, затем еще одна, и все, что они смогли за это время сде-

лузты пьяных рабочих, безуспешно пытавшихся защититься от стрел и мачете. — Почему они на нас напали? — спросил Балеинтайн у Арика.

— Их толкает страх. Страх перед белыми, которые всегда приносят им несчастье, горе и смерть! — ответил колумбиец и ринулся в темноту, откуда доносились вопли избиваемых рабочих. Все палатки лагеря ярко пылали, и ночь приобрела красноватый оттенок.

Палатки белых находились в верхней части площадки. Стрелы не давали возможности подняться, и Балеинтайн ползал по земле, отыскивая своих друзей, которые могли быть ранены. Так он наткнулся на труп Клеменса, пронзенного двухметровым копьем.

— Паулис! — закричал он. — Он убит, Паулис!

— Да, я знаю. Я спущусь вниз, чтобы посмотреть, что там происходит. — Но как только он поднялся, две огненные спирали вонзились в его голову и шею...

Балеинтайн посмотрел в сторону склада. Оранжевые языки пробивались из-под крыши хижины, в которой хранился динамит. У него зашевелились волосы на голове. Американец соскользнул в канаву и пополз по ней, наткнувшись на лужи еще теплой крови.

Крики затихали. Канибу стали подниматься по горному склону. В этот момент раздался страшный взрыв, и мир изумрудов взлетел на воздух.

Сильное сотрясение повредило у Балеинтайна барабанные перепонки и вызвало кровотечение из носа. Единственно, что он чувствовал в тот момент, это был страх, для других чувств у него не было времени.

Когда к нему вернулось сознание, он оказался в расщелине, находившейся в пяти метрах от площадки. Не было ни

ЗЕЛЕНЫЙ ЛЕД

— Что заставляет тебя превращать двести тысяч долларов в легенду? — смеясь, спросил Клеменс Паулиса.

Потягивая виски, они продолжали болтать на эту тему всю ночь. Но уже спустя десять дней самолет компании «Панагра» доставил их в Колумбию.

В Боготе знакомый Паулиса колумбийский рудокоп Пепе Арика, их будущий проводник и компаньон, ночью вынул из потертого замшевого мешочка два не обработанных изумруда по двадцать каратов каждый.

— Здесь их только два, но в Коледоне их будет больше, значительно больше, сеньоры! — торжественно произнес он как последний довод, который должен был рассеять их колебания.

Все было окончательно решено, и утром 7 мая 1952 года новая экспедиция вышла из Боготы. Ее появление за рекой Гавиаре вызвало подозрения у местных властей. Но Пепе Арика поручился, что идущие с ним люди — ученые, занимающиеся научными исследованиями. За обильным виски дело не дошло до предъявления документов, удостоверяющих правдивость этой версии. Спустя три дня экспедиция высадилась в южной оконечности реки и дальше двигалась верхом на лошадях и мулах. Последним цивилизованным пунктом была деревушка Летисия. Это был крайний южный угол Колумбии, где отряд в составе двадцати семи человек вошел в тропический лес, который в этих местах называют «зеленой смертью».

В качестве рабочих наняли индейцев. Они были настолько невежественными, что даже не знали значения слова изумруд. Это было выгодно организаторам экспедиции. Раз в неделю им хорошо платили в колумбийских песо, что в переводе на американские доллары составляло сущие гроши. В течение первых двух недель раскопки велись на склоне горы, пока не достигли слоя сланца и известняка. На месте, где предположительно находилась древняя шахта Коледона, была выкопана канавка длиной в двести метров. Ниже нее начали копать другую.

Наконец, группа рабочих, которой руководил Пепе Арика, наткнулась на старинную шахту Коледона. Они проникли

в нее, сняв слой лиан и кустарника, закрывавший вход. В шахте изумрудов не было, но сама находка шахты погибшего здесь священника вызвала удививший даже их самих энтузиазм. Балеинтайн был взволнован тем, что с друзьями находится в этом потерянном мавзолее, в котором на протяжении двухсот пятидесяти лет не ступала нога человека.

— Если мы найдем изумруды, — заявил Балеинтайн, — я закажу бронзовую доску, на которой вырежут наши имена и... Арика засмеялся:

— Примите это спокойно, друзья. Я обнаружил изумруды, которые показывал вам в Боготе, не в этой шахте. То место в дни Коледона было обнесено забором. Его надо еще разыскать.

— В ад его с этой проклятой историей! — закричал Паулис, бросая свет своего фонаря на ядовитых пауков размером чуть ли не с кулак человека, которыми изобилывала старинная шахта. — Давайте выйдем отсюда, пока не обрушилась одна из этих прогнивших балок.

Они вышли из шахты и вернулись к раскопкам. Хотя Паулис и Клеменс презрительно отнеслись к шахте Коледона и называли ее презренной дырой, но на Балеинтайна она произвела странное очарование. Туннель проникал на восемьсот метров в склон горы и затем на такое же расстояние спускался вниз. Если принять во внимание примитивность инструментов, используемых Коледоном, то результаты его работы казались загадкой.

Три американца и колумбиец жили в полевой палатке в двадцать квадратных футов; там стояли их походные кровати. Рабочие-индейцы имели свои палатки, расположенные несколько ниже. Взрывчатку хранили в хижине, построенной на первой террасе горы, далеко отстоявшей от места главных раскопок. Там всегда дежурили два человека и еще трое несли охрану на окружающих площадку вершинах.

Прошло две недели, затем еще одна, и все, что они смогли за это время сделать, — это построить серию небольших пирамид из выброшенной земли. Однако никто не был обескуражен. Они все же докопались до «изумрудной» земли, состоявшей из серого сланца.

— Мы приближаемся! — воскликнул Пепе Арика, ударив кулаком о землю. — Она становится горячей, друзья!

Канавы становились все шире и глубже, изумрудная почва попадалась все чаще. Но на двадцать первый день они все еще оставались на положении людей, зарывающих деньги в землю. По их подсчетам, двести тысяч долларов будут израсходованы к концу второй недели июня или, быть может, к концу третьей.

На следующий день все неожиданно изменилось. Двое людей, копавших в четвертой канаве, нашли зеленые камешки. С криком «изумруды, изумруды!» бросились к американцам. Все стало радостно шуметь и спустились по склону, чтобы погрузить свои руки в счастливую землю. Там, под серыми сланцами, они увидели зеленые прозрачные камни.

За двадцать четыре часа напряженной работы жила выбросила им «зеленого льда» более чем на миллион долларов. На радостях все напились.

Наступила ночь. Луна была еще в первой четверти. Огромные костры излучали тепло, и всех клонило ко сну. Никто не произвел предупредительного выстрела, никто не закричал, чтобы поднять вовремя тревогу. Смерть пришла в виде тучи пылающих стрел и сверкающих мачете.

Балеинтайн вскопал с кровати и в темноте нащупал свой пистолет, лежавший на земле рядом с ботинками. Массивный Паулис спросонок наткнулся на него.

— На нас напали! Клеменс без конца ругался: — Я не могу найти свой пистолет! Не зашнуровывая ботинок, Балеинтайн выскочил из палатки с пистолетом в руке. С первого взгляда для него стало ясным, что все пропало.

Индейцы беспрерывно посылали в лагерь стрелы, обмотанные пылающей паклей. Спустя несколько минут все палатки пылали. Среди огня металась си-

индейцев, ни вырытых ими горных террас, ни одного уцелевшего человека. Роберт Балеинтайн дополз до верхней площадки. Он истекал кровью. Вокруг лежали трупы его друзей и нескольких рабочих вперемежку с трупами бронзовых канибу. Из двадцати семи человек, вновь открывших изумрудные копи отца Коледона, уцелел лишь один.

Балеинтайн не может ответить на вопрос, как он добрался до Летисии. Он просто этого не знает. Возможно, у него хватило сил дойти самому, быть может, ему помог кто-либо из местных жителей. Он был тяжело ранен и нуждался в длительном лечении. Все усугублялось тем, что о происшествии стало известно властям и ему нужно было скрываться.

Здесь начинается один из пробелов в этой истории. Его нельзя восполнить, изучая не очень ясные и путаные версии, опубликованные в то время в газетах. Достоверно одно: из страны его тайно вывез какой-то человек, владелец рыболовного катера в Гумбольдте. Таким путем Балеинтайн попал в Панаму. Также не ясно, почему этот безымянный человек подарил единственно уцелевшему американцу изумруд величиной с фалангу мизинца. Что касается других деталей его возвращения в США, то он предпочел о них умолчать. Правительство Перу и Колумбии могли потребовать его выдачи.

Роберт Балеинтайн умолчал о многом еще и потому, что, несмотря на все перенесенное, не оставил мысли о возвращении в копи Коледона.

Старый испанский священник, должно быть, не очень задумывался над тем, когда писал: «По причине исключительных трудностей и опасностей приостановите раскопки здесь...». Над этим не очень задумывался и Балеинтайн, потерявший там двух друзей. Открытые в 1701 году изумруды продолжают оставаться в земле, политой кровью.

В. ЛЬВОВ.

